

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41
П43

Погодин, М.П.

П43 Полная история Руси. / М. Погодин, авт-сост.
И. Матвеева. — Москва: Издательство АСТ, 2020. —
416 с. — *(Классика истории и культуры)*.

ISBN 978-5-17-121560-6

Михаил Петрович Погодин — один из первых историков, положивших начало новой русской историографии. Его всегда отличал интерес к истории Домонгольской Руси и критическое отношение к историческим источникам. Именно Погодин открыл и ввел в научный оборот многие древние летописи и документы. В этой книге собраны важнейшие труды Погодина, посвященные Древней Руси, не потерявшие своей научной ценности до сих пор.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ТОМ
ПЕРВЫЙ

ВВЕДЕНИЕ ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Предание, донесшееся из глубины веков до наших летописцев, указывает племенам словенским первоначальное место поселения в Европе на среднем и нижнем Дунае, — Дунае, который до сих пор еще слышится у нас повсюду в народных песнях. «По мнозех временах (по потопе), говорит древнейший летописец наш, Нестор, живший в XI столетии, сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска».

Отсюда, вследствие естественного размножения и других побудительных обстоятельств, выселялись они по временам, — задолго до Рождества Христова, — и заняли, наконец, почти всю среднюю Европу.

Наша страна получила себе обитателей по случаю нашего с запада кельтов или волохов, которые, растревожив словен в их пригретом гнезде, заставили многих искать себе новые места поселения. Они уже тогда стояли на известной степени образования, знакомые с земледелием и первоначальными искусствами, говорили богатым и значительно развитым языком, имели понятия и верования о Боге и жизни посмертной, принесенные еще из прародины своей, Индии, с которой до сих пор обнаруживают родство.

Одни из словен, племена ляхские, поселились к северо-западу от Дуная; другие, наши, к северо-востоку.

Передовым из последних были собственно словене. Спасаясь от нашествия, они должны были спешно и усиленно прокладывать себе дорогу, шли-шли и достигли, наконец,

озера Ильмера,¹ потеснив обитавшую в этих местах чужь. Только здесь смогли они остановиться и построить себе город — Новгород.

Соплеменники, следовавшие по их стопам, также остановились по пути, когда натиск с юга утих, где кому случилось: на Двине, Припяти, Соже — кривичи, дреговичи.

Другие, еще прежде повернувшие направо, расселились по Днестру, Бугу, Днепру и их притокам, — тиверцы, хорваты, северяне, поляне.

Все они не составляли сплошного народонаселения, разделяясь между собою реками, лесами, горами, болотами и степями.

Поляне, по сказанию летописца, отличались тихим и кротким нравом. Брак издавна совершался между ними по взаимному согласию. Семейные отношения отличались скромностью. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с которыми жили в своих дремучих лесах, питались всякой нечистотой, в распрях и ссорах, и убивали друг друга; брака полюбовного не знали, но уводили или похищали себе жен. Так же жили радимичи, вятичи, северяне. Они сходились на игрища и плясання между селами и там выбирали себе девиц, с кем которая сговорится. Многоженство было у них в обыкновении. Над покойниками совершалась тризна, насыпалась высокая кладь, на которой и сжигался труп. Сожженные кости собирались в небольшой сосуд и устанавливались на столбах при дорогах. Так поступали вятичи, кривичи и другие вплоть до XII столетия. Мыться и париться в банях составляло древнейший обычай, которому удивился еще, как говорит предание, Св. Апостол Андрей.

Вскоре они познакомились со своими приморскими соседями: это были родственные племена, переселившиеся прежде них с Дуная, а далее норманны, известные у нас под именем варягов, самый деятельный и удалой народ в Европе того времени, которые уже с V века хозяйничали на всех морях и имели сообщения по всем берегам: в Британии, Галлии,

¹ Ильмерь, современное название — Ильмень. *Примеч. ред.*

Германии, Италии, наконец, ближайšie, финны, так называемая ими чюдь.

Смышленные пришельцы разузнали, где в основном расположены естественные ресурсы, в которых они наиболее имели нужду, и что могут они предлагать в замену перми, булгарам, хозарам, югре. Им удалось даже впоследствии стать твердой ногой на самых выгодных для себя в этом отношении местах, откуда они могли распространять свою власть над соседними областями. Так возникли новые поселения, оказавшиеся вскоре для них необходимыми — Изборск, Торжок, Белозерск, Ростов, Муром, Бежецк, Волок Ламский.

В торговле новгородской приняли вскоре участие и норманны, нигде не упускавшие случая заводить свои связи и расширявшиеся повсеместно; они распространили новгородскую торговлю еще далее, до самого устья Волги, куда, с противоположной стороны, через Каспийское море, из внутренней Азии, проникло с той же целью другое — бодрое, живое и, вместе, образованное племя того времени — арабы.

Арабы привозили в устье Волги к хозарам пряности, южные плоды, шерстяные ткани, драгоценные камни, которые до сих пор удерживают у нас свои восточные наименования: изумруд, яхонт, бирюзу, жемчуг... Чудские племена доставляли меха, рыбу, хлеб, металлы, юфть. Из низовых южных славянских поселений доставлялся хлеб, мед, воск. Из Греции — паволоки, золото, вино. Норманны торговали мечами франкской работы, янтарем, пухом, невольниками.

Очень рано между всеми этими народами началась взаимная мена, из которой мало-помалу, по мере распространения сообщений, образовалась правильная обширная торговля с определенными путями.

Смышленные словене умели воспользоваться своим выгодным положением, на перепутье норманнов в Грецию и к финским племенам, передавали товары из рук в руки и богатели. Город их стал, в некотором смысле, перевалочным местом на Севере. Слава о Новгороде распространилась по всему Варяжскому (Балтийскому) поморью, а исландские саги наполнились сказаниями о богатстве и могуществе великого Гольмгарда.

Точно такое же значение получил на юге Киев, принадлежавший другому славянскому племени, полянам (предкам, кажется, нынешних великороссиян).

В 859 году какая-то ватага норманнов, называвшихся у нас варягами, приплыла по Варяжскому морю в устье Невы, рассыпалась по сторонам и обложила данью встреченные ею племена, славянские и финские.

Но владычество норманнов продолжалось не долго: племена вскоре восстали, одно за другим, потому ли, что были выведены из терпения насилием пришельцев, или потому, что увидели возможность легко справиться с ними и не захотели нести напрасных убытков.

Как бы то ни было, хозяева прогнали незваных гостей туда, откуда они приходили, «за море», и начали по-прежнему «владеть сами о себе», но вскоре перессорились между собою, «встал род на род», полилась кровь, и усобице не видать было конца, а норманны, с часу на час, могли воротиться с новыми, еще большими силами, отмстить жестоко за полученное оскорбление и наложить иго тяжелее прежнего!

Тогда, среди общей смуты, пришла в голову кому-то из вовавших благая мысль, чтобы прекратить кровопролитие: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».

Совет пришелся по душе. Но где искать князя столь сильного, чтобы он мог дома держать свое имя грозно, а в нужном случае защитить мирные племена от внешних врагов?

Здравый смысл, народный толк, указал им норманнов, которые господствовали по всему взморью, ближнему и дальнему, ходили беспрестанно на все четыре стороны, селились везде, где пригревало солнце, и готовы были служить кому угодно, лишь было бы из чего, — норманнов, о которых грозная слава распространялась всюду.

Словене, с подчиненными им, более или менее, кривичами, чудью, весью и мерею, пошли «за море», к одному норманнскому племени, по какой-то причине им более знакомому, которое жило, кажется, в углу Варяжского моря, в соседстве и совокупности с родственными нам племенами, и «называлось Русью, как другие племена назывались Свеями, Ангянами, Готами и Мурманами».

«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и володеть нами», сказали им послы без всяких околичностей и условий. Вещие слова, определившие дальнейший ход нашей Истории.

Нашлись охотники согласиться на вызов: три брата, князя Рюрик, Синеус и Трувор. Они поднялись со всем своим племенем, «пояша по себе всю Русь», и пришли к нам в 862 году.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РЮРИК С БРАТЬЯМИ 862–879

Старший из братьев, Рюрик, сел в Ладоге, откуда, при истоке Невы, всегда удобнее было встретить норманнов, которые обыкновенно приставали к этой гавани, известной у них под именем Альдейгборга, Синеус поселился у веси на Белоозере, а Трувор в Изборске у кривичей.

Через два года меньшие братья умерли: старший, Рюрик, унаследовал их волости и переселился со своей дружиной в Новгород, главный город словен, уже сильный, богатый торговлей, владевший обширной волостью и имевший свои гражданские учреждения, — «и прозвались Новгородцы от них (от пришедшей руси), Русскою землею, а прежде были Словене».

Двое из спутников Рюрика, Аскольд и Дир, не князья и не бояре, выпросились у него с родом своим в Константинополь, намереваясь, без сомнения, служить в числе императорских телохранителей или секироносцев.

Отпущенные, они не попали, однако же, куда собирались: пронесаясь в легких ладьях по Днепру мимо Смоленска и Любеча, показавшихся им слишком крепкими, они остановились под крутой горой, на которой, в сени тополей и черешен, виднелся городок...

Смотревшись и порасспрашивав, они узнали, что городок называется Киевом, что строители его, три брата, Кий,

Шек и Хорив, с сестрою Лыбедью, умерли, а жители платят дань родам их, хозарам.

Искателям приключений понравилось место при широкой реке, текущей прямо в любезное для них море, на перепутье с Севера, из родины, в Грецию — так тепло здесь и привольно, всего растет, кажется, вдоволь. А жители смиренны, воинов нет, городок не крепок. Не остаться ли здесь?

Подумано, сделано. Аскольд и Дир остались, а поляне, самое тихое из племен славянских, приняли их к себе без прекословия.

Разнеслась молва об удаче и выгодном поселении. Из Новгорода вскоре прибыло к ним несколько мужей, ушедших от Рюрика. После могли останавливаться у них проезжие земляки, а другие приплыть даже нарочно. Число товарищей увеличивалось беспрестанно: они утвердились и начали владеть Полянской землей, как владели их единоплеменники на Севере, и, подобно им, воевать с соседями. Они вздумали идти на Константинополь, о котором на их родине рассказывались чудеса. Миклагард, Миклагард, великий город! Чего там нет! Какие сокровища везде собраны! Сколько золота и серебра, паволок! Что за вина, что за яства! А защита плохая. Греческие воины изнежены до того, что имя их у родственных варангов употребляется в насмешку.

Славяне принялись строить лодки, которые выдалбливались из цельного дерева и потому назывались у греков однодеревками, а после у казаков душегубками. И через два года пустилось по Днепру сборное ополчение из двухсот судов... Вот открылось раздольное море, и вдали показался перед ними желанный Константинополь.

Там никто не ожидал гостей. Быстро и смело вошла русь «внутри суду», в пристань, высадились на берег, разделили жребием предместья и принялись убивать и грабить.

Долго после сохранялось между греками воспоминание об этом внезапном нашествии руси. Походом киевских витязей Аскольда и Диры имя руси огласилось в мире: «начаша прозывать Русска земля; о сем бо уведахом, говорит летописец, яко при сем Цари (Михаиле) приходиша Русь на Царьград, яко же пишется в летописаньи Гречьстем».

Патриарх Фотий свидетельствует об их обращении в грамоте, писанной им к восточным епископам в 865 году: «Россы, славные жестокостию, победители народов соседственных и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, оставили суеверие, исповедуют Христа, и суть друзья наши, быв еще недавно злейшими врагами. Они уже приняли от нас Епископа и священника, имея живое усердие к богослужению Христианскому».

Таким образом, в одно время с началом государства в Новгороде зародилась у нас и христианская вера в Киеве. В отличие от народов западных, получивших ее из Рима, мы приняли ее из Константинополя, от греков, и именно в то время, когда церковь вышла там с победой из борьбы со всеми лжеучителями и успела отпраздновать торжество православия, на основании семи вселенских Соборов. Сообщил ее нам патриарх, который первый восстал и против суемудрия западного, и против папского властолюбия.

А что происходило, между тем, на Севере? Неужели Рюрик оставался, сложа руки, в Новгороде?

Может быть, он принимал участие в норманнских походах по Балтийскому и Немецкому морям, в Германии, Франции и Англии; может быть, распространял пределы новгородского владычества на востоке и юге, к стороне Уральских гор; может быть, в продолжение семнадцати лет он успел и там, и здесь. Киевская летопись молчит об этих действиях, сообщая, под 879 годом, лишь известие о его кончине, перед которой он отдал на руки родственнику своему Олегу только что родившегося сына Игоря, ему же передал и свое княжение.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ОЛЕГ 879–912

Олег, молодой, пылкий, деятельный, недолго усидел на месте. Вскоре он снарячился в поход. Малолетнего Игоря он взял с собой, словно заранее решил не возвращаться в Новгород.

На Днепре Олег занял Смоленск, город вольных кривичей, и посадил там мужа своего; плывя далее вниз, взял Любеч, где посадил также своего мужа. Наконец, представился ему Киев, на который он зарился, может быть, издали и прежде. Надо взять и его!

Смирные поляне поддались спокойно новому пришельцу, как прежде Аскольду и Диру, и «седе Олег княжа в Киеве».

Он так полюбил доставшийся ему город, что решил преократить свой неопределенный путь и водвориться здесь навсегда. «Се буди мати градом Русским», сказал Олег. «Беша у него Варязи и Словени и прочи, прозвашася Русью».

Имя Руси сделалось тогда принадлежностью Киева, откуда начало расширяться далее и далее, не найдя еще своих пределов...

Чтобы утвердить свою власть, Олег начал ставить города в новом княжестве, как ставил их Рюрик со своими мужами на севере. Потом определил он дани словен, кривичей и мери, то есть разделил землю на участки (вероятно, тысячи) и назначил, куда какой участок должен тянуть, к какому городу, и сколько представлять дани. Сверх того указал он, чтобы новгородцы, оставшиеся без защиты, платили заморским варягам ежегодно триста гривен, или полтора ста фунтов серебра, «мира деля».

Устроив таким образом домашние дела, Олег, истый норманн, начал свои военные поиски. Всякий год, лишь только вскрывался Днепр, отправлялся он на добычу в быстрых ладьях, по рекам, в него впадающим справа и слева, и распространял пределы дани, заставляя мирные и тихие племена славянские, одно за другим, признавать свою власть.

Так далеко успел Олег в короткое время разнести славу своего оружия, столько племен посчастливилось ему подчинить себе, но он не был доволен этими мирными завоеваниями. Чего же ему хотелось более?

Царьград — вот куда устремлялись издавна жадные взоры и задушевные мысли всех варягов, вот о каком походе думал и Олег.

Долго собирался киевский князь с силами, и уже в 906 году, следовательно, через двадцать с лишком лет по

водворении своем в Киеве, оставив там Игоря, «иде Олег на Греки, пояже множество Варяг, и Словен, и Чуди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Северу, и Древляны, и Радимичи, и Хорбаты, и Дулебы, и Тиверцы».

Олег счастливо преодолел все препятствия и появился под стенами Константинополя. Воины его огнем и мечом рассыпались по окрестностям, жгли церкви, разбивали палаты, а пленных рубили, расстреливали, бросали в море. По свидетельству византийских летописцев, устрешенные греки обратились с просьбою о мире к русскому князю.

Счастье благоприятствовало смелому Олегу, и он достиг своей цели: заставил трепетать Константинополь; заставил императоров униженно просить мира, исполнить все его желания и платить ему дань; получил богатую добычу для себя, для своих мужей, воинов, и для всего своего племени, вытребовал важнейшие преимущества для Руси на будущее время при всех сношениях ее с Грецией, государственных и торговых.

Последние годы своей жизни Олег провел в покое: «и живяше Олег мир имея ко всем странам, княжа в Киеве».

Олегу, кажется, бездетному, наследовал сын Рюрика Игорь.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ 912–945

Подданные племена попытались было отложиться (913), привязанные слабыми узами к Киеву, но Игорь сходил на древлян (914) и возложил на них дань больше Олеговой.

Новый князь должен был отличиться каким-нибудь необыкновенным подвигом. Игорь вздумал идти в дальнюю сторону, куда не ходили еще варяги, на Восток, познакомиться с другим морем, еще не известным, Каспийским, и проведать, что обретается на его берегах.

Игорева Русь поплыла на пятистах судах по Днепру в Черное море, из Черного моря повернули они не направо, как обыкновенно делали в походах на Грецию, а налево, вверх, в Азовское